
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 132—139
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.12

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 132—139
ББК 63.3(2)-284.3
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.12

МЕЩАНКА И ПАСПОРТ: КАК ЖЕНЩИНЫ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕВАЛИ И ИСПОЛЬЗОВАЛИ «ПАСПОРТНУЮ ЗАВИСИМОСТЬ»

З. М. Кобозева

Самарский национальный исследовательский университет,
г. Самара, Россия, zoya_kobozeva@mail.ru

Рассматривается пласт повседневности российских женщин, принадлежащих к мещанскому сословию. Он был связан с их зависимостью от мужей, установленной через необходимость получать внутренний паспорт, дававший возможность перемещения по империи, только с согласия мужей. Исследуются тактики и стратегии повседневного сопротивления женщин этой законодательно предусмотренной форме зависимости. Модернизирующийся русский город и постепенно разрушаемые патриархальные семейные отношения в пореформенный период заставляли женщин активно искать работу, необходимую для выживания. Этому препятствовала «паспортная зависимость» от мужей и от местной власти. Повседневный срез женских мещанских практик позволяет увидеть, как женщина эмансипировалась «снизу», применяя микротактики приспособления к своему сословному и семейному статусу.

Ключевые слова: мещанка, паспорт, повседневная жизнь, эмансипация, тактики, стратегии, практики, власть, семья.

PETTY BOURGEOISE AND PASSPORT: HOW THE WOMEN OF THE BOURGEOIS CLASS OVERCAME AND USED “PASSPORT DEPENDENCE”

Z. M. Kobozeva

Samara National Research University,
Samara, Russian Federation, zoya_kobozeva@mail.ru

The article considers such a layer of everyday life of Russian women belonging to the bourgeois class, which was associated with their dependence on their husbands. Such a dependence was established through the need to obtain an internal passport, which made it possible to move around the Empire, only with the consent of their husbands. Both the tactics

---

© Кобозева З. М., 2018

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI—XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

and strategies of daily resistance of women to this legally provided form of dependence are investigated. The modernizing Russian city and the gradual destruction of patriarchal family relations in the period of widely conducted reforms forced women to actively seek work necessary for survival. This was prevented by the “passport addiction” from husbands and from local authorities. The cut of everyday women’s bourgeois practices allows us to see how the woman was emancipated from her social environment, using small tactics for adaptations to her social “caste” and family status.

Key words: bourgeois, passport, daily life, emancipation, tactics, strategies, practices, power, family.

Женщина в российском дореволюционном обществе находилась в многочисленных путях зависимостей, установленных законом, властью, церковью, моралью, экономическим и сословным статусом и даже литературным дискурсом. (В литературицентричной русской культуре литература играла огромную роль в среде читающей женской публики и не читающей тоже, так как на женщину обрушивалось оценочное мнение, сформированное литературой.) Мещанки русских городов зависели не только от обязанностей, предусмотренных их сословным статусом (общие для мужчин и женщин обязанности, которые делали непростой их жизнь: подати, налоги, общественные сборы, рекрутчина, ложившаяся бременем на семью в целом, и т. д.), но и от внутрисословной гендерной ситуации, связанной, в частности, с тем, что женщины должны были вписываться в паспорта своих мужей. Поэтому паспорт становился еще одной формой дисциплинарного контроля и проявлений власти, уже не на имперском, а на семейном уровне. Мужья и жены использовали этот механизм для манипуляций своими «вторыми половинами», хотя надо отметить, что зачастую ими управляли не «роковые страсти», а элементарные экономические интересы, связанные с необходимостью выжить, прокормить себя и детей (это касается женщин, мужья же зачастую демонстрировали свой скверный нрав или ущемленное самолюбие).

Что касается проблемы «женщина и паспорт» вне гендерных различий, т. е. в границах нормальных семей, где женщина была вписана в общий патриархальный традиционный быт, то, несмотря на то что обязанность платить подати была укоренена в сознании мещан, экономическое положение большинства представителей данного сословия приводило к затруднениям в своевременной уплате денежной повинности. Образовывался порочный круг: без уплаты податей — не выдавался внутренний паспорт, а без паспорта — невозможно было найти работу. Выдачей паспортов занимался мещанский староста, к нему обращались мещане с просьбой войти в их положение и помочь с паспортом.

«Общение лицом к лицу является главной составляющей всех форм социального взаимодействия вне зависимости от масштабности контекста» [Гидденс, 2005: 81], при таком взаимодействии на микроуровне особое значение приобретает язык письменных обращений «во власть» как средство передачи смыслов. Язык, который индивид берет из своей повседневной рутины. При всей важности подобного источника его достаточно трудно интерпретировать, так как «любой пустячный разговор... труден для понимания» [там же: 84].

В дореволюционном провинциальном городе мещанский староста был связан с мещанами города многочисленными нитями, которые официально

не были отражены в законодательном плане. В пространстве империи мещанский староста — маленькая бюрократическая фигура, в пространстве личных и общественных связей провинциального города — это большой человек, от которого зависит судьба мещанской семьи: паспорт, подати, рекрутство. Это доказывает стиль писем мещан к мещанскому старосте, носящих в середине и практически до конца XIX в. во многом личный характер. Мещанские обращения «во власть» отличается достаточно сильный эмоциональный фон, в котором преобладают эмоции страха, граничащего с отчаянием, и своего рода крик о помощи. В наступающий век индивидуализма, когда в городском пространстве уже пошатнулись традиционные основы общества — религия и микросообщество (семья, община) [Плампер, 2010: 16], мещанское письмо отражает нарастающую тревожность и упование на традицию, выраженную как в патриархальном доверии к общинным лидерам, так и в религиозном сознании, имплицитно присутствующем в тексте письма.

Мещанка Симбирска Аксинья Андреева писала: «Милостивый государь! Выслан мне за вашей подписью полугодовой паспорт... срок которому скоро кончится, и я должна выправить другой с согласия мужа моего симбирского мещанина Василья Андреева, почему покорнейше прошу уведомить меня, неизвестно ли вам, где именно в настоящее время проживает муж мой, деньги же на присылку ответа прошу употребить из оставленных у вас денег при выправке означенного паспорта, сделайте милость, не замедлите ответом... Ваша готовая на услуги... А что деньги у вас остались, то это видно из уведомления вашего за № 113» [ГАУО, ф. 143, оп. 1, д. 56, л. 97]. Симбирская мещанка Н. П. Кочеткова, проживавшая в сельце Бобылевке Тушинской волости, писала в управу «Объявление»: «В 1873 г. я вышла в замужество за симбирского мещанина Михайлу Федотова Кочеткова, который находился в работе при суконной фабрике, принадлежащей симбирскому купцу Алиеву и состоящей в сельце Бобылевке, он же Михайла Федотов в конце мая месяца сего года с фабрикою рассчитался окончательно и в то время скрылся в неизвестную отлучку, и по сие время где он находится, я не знаю». Женщина просит выдать ей вид на жительство, чтобы самой отправиться на заработки, заканчивая письмо фразой «Буду ожидать начальничьего милостивого благословения» [там же, л. 105]. Женщинам управа выдавала паспорта с осторожностью, в тексте видов на жительство печатая: «Предъявительница сего вдова отставного рядового... причисленная в общество саратовских мещан... есть действительно законная жена... дозволяется ей свободно проживать во всех городах Российской империи, причем должна она вести себя добропорядочно, от всяких законно-противных поступков воздерживаться» [ГАСО, ф. 94, оп. 1, д. 2799, л. 218].

Человеческая субъективность, отраженная в письме, позволяет рассмотреть конкретного индивида в сочетании свойств, приобщающих его к окружающим и отличающих от них. По следующему письму трудно определить возраст просителя, но в любом случае перед нами два самых близких существа, прижавшихся друг к другу на чужбине, мать и сын, чья жизнь опять-таки напрямую связана с паспортом и чиновником самарского пространства, которое они покинули, но с которым продолжают быть тесно связаны «бумажной повседневностью»: «Милостивый государь Лев Алексеевич. Мы, Фалимон Владимиров и моя маменька Марфа Ивановна, просим Вас, будьте так добры для несчастных нас, дайте увольнение моей маменьке Марфе Ивановой, и мы посылаем Вам

старый паспорт, Вы знаете, что жить без всякого вида нельзя, будьте так добры, пришлите как можно скорее. Пришлите нам в г. Туринск Тобольской губ. Василью Кузьмичу Телепневу, мещанину» [там же, д. 26, л. 1403].

На помощь матери в высылке паспорта уповали мещане, оказавшиеся на чужбине: «Милостивая наша государыня матушка, прошу у вас вашего родительского благословения навеки нерушимого, низко вам кланяюсь, высылаю вам денег... пришлите нам паспорт ради бога...» [там же, д. 43, л. 855].

В 1898 г. самарский мещанин Парамон Прянишников написал заявление на имя мещанского старосты: «Имею честь просить ваше степенство законной моей жене Елене Васильевне Прянишниковой не выдавать положительно никакого письменного вида на жительство не только в иногородние места, но и в самом городе Самаре без моего на то письменного согласия или личной явки в мещанскую управу вследствие ея, Елены Прянишниковой, безнравственного поведения... (2 февраля 1898 г.)» [ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 306, л. 17]. 8 августа 1898 г. на имя самарского губернатора поступило прошение от самарской мещанки Е. В. Прянишниковой: «Муж мой, самарский мещанин Парамон Николаев Прянишников, вот уже четвертый год как бросил меня, не давая мне не только что на прокормление, но постоянно бил меня, ввиду чего и не имея при себе какого-либо документа, я нахожусь в крайне безвыходном положении, а потому, желая поступить куда-либо на место и там добывать себе средства к жизни, я обратилась в Самарскую мещанскую управу с просьбой о выдаче мне свидетельства на проживание, но управа в выдаче мне такового отказала, требуя на то согласие мужа, тогда как я и сама не знаю, где он в настоящее время находится. Объяснив такое мое безвыходное положение вашему превосходительству, я имею честь покорнейше просить о производстве о вышеозначенном полицейского дознания...» [там же, л. 20]. 3 сентября 1898 г. из Самарского губернского правления в мещанскую управу пришло распоряжение о выдаче мещанке Прянишниковой паспорта, ввиду того что ее муж «в настоящее время в безвестной отлучке и два года не получал паспорта» [там же, л. 18].

В основном паспорта необходимы были тем женщинам для устройства на работу, которых бросили мужья. Так, например, самарская мещанка Авдотья Никитина завела гражданское дело на мужа, «не доставляющего ей средств к содержанию и ведущего нетрезвую жизнь...». Решено было предоставить ей вид на жительство с правом свободно «отлучаться на заработки» [там же, д. 89, л. 428—428 об.]. Так же в пользу самарской мещанки Левкиной было решено дело о выдаче паспорта, поскольку ее муж вел «жизнь нетрезвую, средств ей к содержанию малолетних детей не давал, но и не выдавал паспорт на отлучку для работы» [там же, л. 455]. Некоторые мужья писали прошения в думу с целью напомнить чиновникам, кто в мещанском доме хозяин: «Самарского мещанина Василья Степанова Бабушкина прошение. Жена моя Агрофена Иванова с малолетней дочерью Елизаветой неизвестно куда, без моего позволения, в 1866 г. из г. Самары скрылась. На проживание она... получает из думы паспорта или билеты, а как по статье... жена обязана жить вместе и по статье... в непосредственном послушании к мужу... просить думу более жене моей паспортов не высылавать и сообщить, где она живет и о немедленной высылке ее в г. Самару. 1868 г.» [там же, ф. 170, оп. 6, д. 1558, л. 46]. Думе отстаивать интересы женщины

в данном случае не было резона, и она выдала справку: «Аграфене был выдан паспорт на один год 1867 г. <...> ...Так как срок паспорта уже истек, то вновь паспорта не выдавать» [там же, л. 46 об.]. В 1890 г. самарский мещанин ефрейтор запаса Пашкин написал в мещанскую управу заявление: «Минувшего 1889 г. 2 октября месяца я был повенчан по первому браку с девицею самарской мещанкою Екатериной Ивановой Поповой. Как видно, что жена моя Екатерина Иванова, ныне Пашкина, оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта... не выдавать» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 254, л. 10]. Никита Осипов вообще не видел свою жену Матрену Порфильевну около 15 лет, ее местожителство ему также неизвестно, поэтому в случае явки «жены паспорта ей не выдавать» [там же, л. 52]. Мещанин Андрей Захаров просил не выдавать письменного вида жене Марине: «...она со мной не живет, а ведет жизнь развратную» [там же, л. 10].

Но были и такие мужья, которые спокойно относились к необходимости выдачи женам паспортов. Мещанин Баканов писал в Самарскую мещанскую управу: «В случае обращения жены моей Федосьи... с просьбой о выдаче документа... не задерживать, так как хотя Федосья... со мной не живет, но с моей стороны к выдаче ей письменного вида препятствий не имеется. 1893 г.» [там же, ф. 153, оп. 1, д. 85, л. 534].

Обращает на себя внимание значительное количество дел, связанных с нарушением патриархальной нравственности в мещанских семьях середины и второй половины XIX в. Родители, оставленные детьми без всякой помощи в старости, избиваемые, оскорбляемые, пишут жалобы в думу и управу, пытаются использовать в качестве механизма воздействия на своих отпрысков рекрутство или паспорт. Арина Гурьянова, самарская мещанка, в 1858 г. писала мещанскому старосте: «Ваше степенство, при сем условии представляю до вас всепокорнейшую мою просьбу возбудить начальное разбирательство, при требовании паспорта с моего сына Павла Гурьянова взять денег на пропитание мое присылкою в город Уральск...» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 32, л. 226]. После вмешательства властей Гурьянов дал подписку: «...обязуюсь я ей, родительнице моей, давать на пропитание каждый год 45 руб. серебром, и за родителя моего самарского мещанина Никиту Иванова подушные ежегодно уплачивать, и паспорт каждый год выправлять на свой счет... если сии я обязанности свои не исполню, то вольна она, родительница моя, поступить со мною по ее родительской власти. В том подписуюсь» [там же, д. 33, л. 227—227 об.]. Самарская мещанка Марфа Шахаткина в 1887 г. писала в мещанскую управу, чтобы сыну без ее ведома никаких документов на отлучку не выдавали; прибавляется новый персонаж мещанской повседневности, нотариус, для которого сыну также не выдавать никаких документов [там же, д. 235, л. 104]. Другой подход был к вдовам или солдатским женам. Мещанские управы рассматривали такие дела по собственному усмотрению. В 1883 г. было выдано Самарской мещанской управой удостоверение для проживания в г. Самаре в течение 6 месяцев солдатской жене Василисе Ароновой, 50 лет, «в том, что она принадлежит к обществу мещан г. Самары и значится записанною по сем. Списку солдата за 1875 г. под № 144, приметамы она: росту 2 арш. 4 верш., волосы на голове и бровях светлые, глаза серые, лицо чистое, особых примет нет» [там же, ф. 153, оп. 1, д. 84, л. 63].

Порой мещанки играли роковую роль в жизни мужчин: не они оказывались пострадавшими от несвободы, а мужчины — от их жестокости и жульничества с законом. Так, пострадал от своей мачехи мещанин Никанор Рябинин. В 1860 г. в Самарскую городскую думу «посредством внутренней стражи» от чернского городничего был доставлен человек, называвший себя самарским мещанином Никанором Сергеевым Рябининым [там же, д. 573, л. 5]. При пересылке в Самару Никанору были выданы казенная одежда и кормовые деньги, всего на сумму 2 рубля 40 копеек. Три дня Никанор просидел в помещении думы без всякой стражи и никуда не сбежал. У него не было денег, а дума не хотела за него платить. Поэтому его отправили в город, чтобы он нашел себе квартиру или поручителя [там же, л. 5 об.]. Не найдя ни работы, ни поручителей, не имея денег на паспорт, Никанор стал жить с бродягами на берегу Волги. Но деньги за пересылку с думы вновь потребовали, и дума решила произвести «секретное дознание», поручив это мещанскому старосте. Из дознания, произведенного по делу Рябинина, открылась история человека, оказавшегося загнанным в угол жизненными обстоятельствами, в результате которых он оказался без денег, без паспорта и в положении вне закона, потому что его мачеха уехала с новым мужем в Москву, не заплатив за себя подати. Никанор же, не сумев заплатить сумму еще и за нее, оказался без паспорта и стал бродягой.

Матери понимали, с какими перспективами для их детей связана в случае потери документа «безписьменность», и хлопотали о новых видах на жительство для своих сыновей, уехавших на заработки [там же, ф. 217, оп. 1, д. 88, л. 610]. Если же мещанская управа задерживала высылку паспорта, мещане могли жаловаться губернатору [там же, л. 762].

Обращает на себя внимание появление в делопроизводстве начала XX в. просьб о выдаче и не выдаче паспортов дочерям («для поступления в должность», к примеру «акушерка-фельдшерица») [там же, ф. 153, оп. 1, д. 449, л. 33, 41, 52]. Все свидетельствовало о постепенном включении женщин в активную социальную жизнь. Особенно этому способствовала Первая мировая война. Мещанскому старосте понадобилось разъяснение от губернатора закона от 12 марта 1914 г. о выдаче паспортов и видов на жительство замужним женщинам без согласия мужа. Губернатор так и приписал в своей разъяснительной записке: «Можно» [там же, ф. 217, оп. 1, д. 411, л. 172]. Но матери по-прежнему писали в управу прошения, чтобы без их разрешения не выдавали паспорта дочерям [там же, л. 109].

Делопроизводственная документация управы за 1916 г. хранит еще один эпизод, приоткрывающий дверь в интимное пространство жизни мещан, и, что показательно, он касается юной барышни. С 1903 по 1916 г. председателем мещанской управы (мещанским старостой) Самары был С. М. Евсеев [Памятная книжка Самарской губернии на 1916 г., 1916: 14]. К нему и писала молодая особа, мещанка Самары, проживавшая в 1916 г. в г. Бузулуке: «Милостивый государь Степан Матвеевич! Я посылала Вам свой паспорт, чтобы Вы мне его переделали. Но до сих пор не получила...» [ЦГАСО, ф. 217, оп. 1, д. 425, л. 340]. Следом приходит телеграмма: «Покорнейше прошу скорее выслать его [паспорт], т. к. 8 октября я уезжаю в Хабаровск» [там же]. Далее, в письме от 5 октября, барышня спрашивает: «Что за причина задержания? Меня это волнует. Скоро ведь две недели, как я его Вам отослала... Вас просил наш папа... С полицией неприятно дела

иметь, да и задержать могут лишних несколько дней. А мне каждый день дорог. Елена Михайловна Коновалова» [там же, л. 340 об.]. 9 октября Елена Михайловна пишет: «Милостивый государь Степан Матвеевич! За сообщение мне о моем паспорте благодарю Вас. Теперь вынуждена сказать Вам о том, как бы не вышло какое недоразумение ввиду того, что у меня не было документов, я вынуждена была жить гражданским браком. Мои родные против гражданского брака. <...> И я теперь боюсь, как бы не обнаружилось и они не узнали бы о моем гражданском браке. Вдруг у них что-либо запросит полиция? Конечно, они уверенно так скажут, что я замужем. Вот тут-то и может выйти недоразумение, очень беспокоюсь! Я покорнейше прошу Вас, нельзя ли полиции помимо их, моих родных, навести обо мне справки? С почтением к Вам Е. М. Коновалова» [там же, л. 342].

Если до 1906 г. с помощью паспорта мещанские управы могли регулировать поступление общественных сборов с мещан (заплатил налоги — получил паспорт на определенный срок), то после издания указа о введении для бывших податных сословий бессрочных паспортов, как в местах приписки, так и в местах жительства, без обязательной уплаты общественных сборов, мещанские управления оказались в сложной ситуации. Но сила привычки, удобство знакомой институции, личные связи среди однообщественников определяли обращение мещан за паспортом именно в мещанскую управу, а не в полицию. Патриархальные связи, сложившиеся во взаимоотношениях мещан города со своими сословными и городскими учреждениями и их лидерами в лице городских голов и мещанских старост, продолжали сохраняться на протяжении всей второй половины XIX в., в уже значительно изменившемся социокультурном городском пространстве, и даже в начале XX в., несмотря на рост тенденций, связанных с формализацией внутрисословных связей. Личные связи были необходимы именно в сфере паспортной повседневности, так как паспорт выступал одним из главных условий легитимного существования представителей сословия, их хозяйственной активности и мобильности.

Вокруг процедуры получения мещанами срочных паспортов сложился напряженный эмоциональный фон. Особенно выразительно он проступает в самарском мещанском делопроизводстве, полном писем личного характера к старостам и городским головам с просьбой о выдаче и пересылке паспорта. В Саратове и Симбирске сложился более официальный тон взаимоотношений мещан с их сословными управлениями. Благодаря сохранившейся в фонде Самарской мещанской управы значительной переписке мещан по поводу получения паспортов, можно проследить формирование сословной эпистолярной культуры, как деловой, так и личной; увидеть как мещане в негласной общественной иерархии составляют свои приоритеты, изобретая свое собственное титулование и вводя в контекст письма культурные коды сословной культуры. Паспорта замыкали круг сословной жизни мещан, возвращаясь из разных уголков империи после их смерти в родную управу, к месту приписки. С помощью паспорта можно почерпнуть антропологические сведения о его владельце и проследить эпизоды биографий.

Семейные межличностные отношения, полные драматизма, конфликтов, игры гендерных ролей, часто влияли на использование паспортного «рычага». Паспорт порой служил для шантажа жен, мужей и детей с целью заставить их выполнять традиционные гендерные роли. С начала XX в. женщины наконец обретают свободу, получив возможность получать паспорт вне зависимости от волеизъявления мужей. Это давало им возможность найти работу.

Таким образом, с помощью паспорта власть не только фиксировала податное городское сословие в пространстве империи, прикрепляла его к месту, заставляя выполнять фискальные обязанности, но и создала целую систему различных практик, тактик, стратегий, с помощью которых решались многочисленные задачи, стоящие перед мещанами, как личного, семейного, так и хозяйственного, общественного порядка. Власть управляла с помощью паспорта, но и мещане управляли определенными сферами своей жизни с помощью этого придуманного властью механизма. Даже после введения единых для всех сословий бессрочных паспортов многие механизмы урегулирования внутрисословной и внутрисемейной жизни мещан посредством паспорта и мещанской управы продолжали сохраняться на повседневном уровне. Женщины всегда остаются женщинами. Более гибкие в повседневных практиках выживания, они изобретают свои способы избежать «паспортной зависимости». Мещанки используют паспорт для давления на мужей. Но и активно требуют от своей сословной власти предоставить им возможность работать, чтобы выжить в городе с его суровыми законами. Власть сословная, власть мужская, медленно, нехотя, но все же идет навстречу женской эмансипации.

Библиографический список

- ГАСО (Государственный архив Саратовской области).
ГАУО (Государственный архив Ульяновской области).
Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
Памятная книжка Самарской губернии на 1916 г. Самара, 1916.
Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 512 с.
ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области).

References

- Giddens, E. (2005) *Sotsiologiia* [Sociology], Moscow: Editorial URSS.
Pamiatnaia knizhka Samarskoï gubernii na 1916 g. (1916) [Memorable book of Samara Region on 1916], Samara.
Plamper, Ia. (2010) *Ėmotsii v russkoï istorii* [Emotions in Russian history], in: *Rossiiskaia imperiia chuvstv: Podkhody k kul'turnoï istorii ėmotsiï*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила 12.05.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Кобозева Зоя Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет, г. Самара, Россия, zoya_kobozeva@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Russian History, Samara National Research University, Samara, Russian Federation).